

Полпинты радости

Всего один посетитель. Старый рыхловатый бродяга – единственный человек, пожаловавший в этот Богом забытый бар. Он ведь даже ничего не заказал – так, зашёл погреться. Такие гости совсем не радовали парня за стойкой, но отказать старику он не смог. Куда же он пойдёт в такую холодину-то? Пусть сидит, ему-то что. Пришелец предпочёл столик в самом дальнем углу заведения – ясно, что разговаривать ему не хотелось.

День казался потерянным, и мысли об увольнении всё чаще закрадывались в поседевшую голову мальчика – работника бара. С работой, конечно, было туго – практически невозможно стало раздобыть себе хоть какое-то, даже самое вшивое местечко. Все знали – если ты не работаешь, то отправляешься в армию – представлять национальные интересы своей державы.

Он всё размышлял; размышлял о несостоявшейся семейной жизни и бедности, о душевной пустоте, терзающей его ночами, о военной угрозе, нависшей над всем земным шаром, о больном желудке, который уже, казалось, было не спасти.

Распахнувшаяся дверь и голоса молодых людей – его размышления прервались. Два парня неспешно подошли к барной стойке.

Тот, что повыше, заговорил:

– Добрый вечер!

– Не такой уж он и добрый, ребята. Вы тоже зашли погреться? – просипел человек за стойкой.

– Простите, что?

Тот кивнул в сторону старика, склонившего голову над пустым столом.

– Мы с удовольствием погреемся, но вообще-то мы пришли за напитком.

– Да-да, напитка бы нам, – присоединился второй.

– Извините, ребята, но самогон закончился. Осталось немного препаршивейшего вина, если хотите. Но не рановато ли вам напитки-то распивать? – он выдержал паузу. – Впрочем плевать. Скоро ведь война, так что наслаждайтесь. – Бармен поставил перед носом новоявившихся юнцов бутылку «красного креплёного». – Полтинник с вас, голубчики.

Те переглянулись, едва слышно хихикнув.

– Нам это вовсе не нужно. Мы бы хотели взять немного воды, если можно.

Гримаса чистого, неподдельного удивления застыла на лице бармена, после чего он расхохотался.

– Воды! Они хотят немного воды! Вот умора! – выдавил он, всё так же пронзительно хохоча.

Ребята наблюдали за этой картиной молча. Когда хохот отпустил веселящегося, он обратился к своим посетителям, вопрошая:

– Вы, должно быть, шутите?

– Никаких шуток. Мы хотим заказать полпинты самой чистой воды, что есть в этом заведении.

Его лицо обрело серьёзный вид.

– А вы хоть представляете, сколько это вам будет стоить?

– Да, мы готовы заплатить.

Человек за стойкой окинул своих собеседников подозрительным взглядом и удалился в небольшую комнатку складского типа, что располагалась прямо за пустыми полками, где когда-то, должно быть, хранился самогон. Вернулся он с небольшим ящиком в руках и, поставив его рядом с оказавшейся никому не нужной бутылкой «красного креплёного», произнёс:

– Это все, что у нас есть. Надеюсь, вы меня не разыгрываете, голубчики.

В ящике находилось девять бутылок чистой воды.

– Какую предпочтёте, господа?

– Фильтрованную. Мы предпочтём фильтрованную.

– Ха, недурной выбор, парень. Сколько, ты говорил, вам нужно?

– Полпинты, сэр.

Человек за стойкой нахмурился, после чего поднял взгляд на стоявших перед ним молодых людей и проговорил:

– Две тысячи. Полпинты фильтрованной будет стоить вам, ребяташки, две тысячи.

– Две тысячи?! Да это ведь грабёж среди бела дня! – возмутился тот, что повыше.

– Брось, малый! Не ты ли мне только что песни пел о вашей платёжеспособности?

– Заплатить-то мы в состоянии, но с чего такие цены?

– Они увеличили военный налог до 75%. К тому же чистой воды становится всё меньше. Вот цены и растут. Вам повезло, что вы зашли именно ко мне. Если бы этот бар не находился на отшибе, пришлось бы вам, голубчики, давиться долбаным вином.

Ошеломлённые гости помялись с несколько секунд у стойки, после чего дали согласие, и тот, который повыше, выложил перед барменом запрашиваемую сумму.

Он налил им полпинты фильтрованной воды, и они направились в сторону стола, в самом дальнем углу бара, и оказались прямо по соседству с как будто дремавшим бродягой.

– Я так благодарен тебе. Никто и никогда не делал для меня ничего подобного.

– Ладно тебе! Сегодня ведь день рождения моего сопливого братишки! Двадцать лет – серьёзная дата. Вот и подарок полагаются серьёзный.

Младший, с улыбкой на лице, всё не сводил глаз с бокала с водой, стоявшего прямо перед ним.

– Правду говорят, война грядёт? – улыбка вмиг испарилась.

– Не лгут, братец, не лгут. Как бы эта война не стала последней. И для нас, и для них.

– Что, все так серьёзно?

– Боюсь, что да. Ресурсы ныне ценнее жизни человеческой. А вообще, чего удивляться? Всегда так было. Этим вещалам карманы бы набить потуже, а нас воевать посылают. Да вот только не наше это дело. Не наша война.

В глазах Младшего промелькнула грустная нотка печали. Тихо-тихо, почти шёпо-

том, он выдавил из себя эти два коротких слова:

– И ты?

– Что я? – Старший не хотел отвечать на этот вопрос. Вообще, зря они об этом заговорили.

– Тебя они тоже заберут?

– Дурень, кто ж меня заберёт-то? Я ведь даже в армии не служил! – Враньё никогда не было сильной стороной Старшего.

– Не хочу, чтобы они тебя забрали. Хрен им, мразям, с маслом, а не брат мой!

– Тише ты! Не шуми. Не видишь, что ли, человек спит!

Вполглаза глянули они на старика – спал он или нет, наверняка сказать было трудно.

– Да не спит он. Просто прикрыл глаза.

– Пусть и так, нам дела до этого нет. – Он кашлянул, затем продолжил: – не желаешь сделать глоточек?

– Я? Давай ты первый!

– Ха, вот уж чудной! У кого сегодня праздник, спрашивается?

Улыбка вновь заиграла на лице Младшего. Брату всегда удавалось легко его убедить. Порой он даже чувствовал себя бесхребетным, а иногда и ведомым, но всё же старший брат был в его глазах так велик, что перечить ему казалось совсем неразумно.

– Это действительно она? Вода прошлого?

– Да, брат. Совсем как в детстве. Ну-ка, сними пробу!

Младший неуверенно поднёс бокал к губам и после нескольких секунд раздумий таки сделал глоток.

Печаль его глаз сменилась блеском, и полным восторга голосом он воскликнул:

– Боже, это прекрасно! Совсем как в детстве. Нет! Лучше, лучше, чем в детстве!

Старший улыбнулся в ответ:

– Я рад, что тебе нравится.

– Можно я сделаю ещё глоточек?

– Разумеется! Что за вопрос! Это твоя вода, пей на здоровье.

Он отпил ещё немного.

– Чудесен! Этот напиток поистине чудесен! И как у меня только язык поворачивал-

ся называть ту гадость, что нам поставляют по субботам, водой?

Старший взял своего младшего брата за руку.

– Ты можешь пообещать мне одну вещь?

– Да хоть две! Всё что угодно!

– Я прошу тебя, что бы ни случилось, помни, что я тебя люблю. Я хочу, чтобы ты помнил, что я люблю тебя. И всегда любил. Что бы ни случилось. Хорошо?

– Что ты такое говоришь? Ничего с тобой не случится. Адским милитарным псам не видать тебя в своих рядах! Я не позволю, ясно?

– Упёртость – мне всегда нравилось в тебе это качество. У тебя она очень светлая, добрая, если хочешь, упёртость эта. Я просто хотел тебе сказать, что люблю тебя. Кажется, я всё забывал тебе сказать. А вот теперь сказал. Помни об этом.

Младший ответил на это глубоким молчанием. Он всё крутил в руках бокал, не сводя с него взгляда, но больше и глотка не отпивал. Он прекрасно понимал, что от гнусной твари, полной гнили, именуемой войной, брату не скрыться. Если ты попал в сферу интересов милитарных псов, то ты обречён. За весь двадцать второй век ещё никому не удалось избежать военной службы.

Сильнее всего Младшего терзало осознание его собственной неспособности помочь брату. Ведь на войну брали только лиц, достигших двадцатитрёхлетнего возраста. Правительство называло это новой лояльной программой. К чёрту эти правила! К чёрту правительство! Если пёс придёт за его братом, то он пойдёт за ним.

Молчание затянулось. Однако братьям было ясно, что думают они примерно об одном и том же.

– Я заплачу вам сотню за один глоток этой чудесной водицы. Умоляю вас, милейшие. Во рту моём не было ни капли чистой воды с тех пор, как они убили мою жену.

Мою чудную, любимую женщину...

Они обернулись. Перед ними стоял старик – тот самый, что ещё пять минут тому назад мирно покоился за соседним столом.

Младший кинул в сторону брата недвусмысленный взгляд: что думаешь, мол.

– Это твоя вода, брат. Поступай как считаешь нужным, – отвечивал Старший.

Тот обратился к старику:

– А как погибла ваша жена?

– Эти ублюдки сбросили бомбу на наш дом. Прямо на наш дом, вы представляете? На её месте должен был быть я.

– Мне очень жаль.

– Ничего-ничего. Скоро ведь снова начнут бабахать. Тогда-то и я отправлюсь к своей милой. Скрываться не стану.

– Не страшно умирать-то?

Старик склонился над Младшим:

– Я уже мёртв.

– Ха, если вы мертвы, то зачем же вам вода? – вмешался Старший.

Старик ухмыльнулся.

– Жажда – девица коварная. В особенности, жажда жизни.

– Но вы ведь мертвы!

– Иногда и мертвецам хочется пить. – Он перевёл дыхание. – Так нужна вам моя сотня или нет?

Младший снова повернулся к брату и промолвил:

– Моя вода, говоришь?

Тот кивнул.

– Не нужна нам ваша сотня! Берите так. Бокал ещё почти полный – я отпил совсем немного.

– Сынок, но ведь в нём целых полпинты!

– Я знаю.

– И что, совсем не жалко?

– Нисколечко. Пейте, товарищ, пейте. Да, до дна! А как бомбить начнут, так вы вспомните этот вечер. И жене привет передавайте! Скоро все будем чистойшей водицей упиваться. Уверен, у них там с этим полный порядок!